Перевод и комментарии Натана Файнгольда

Платок

I

Отец мой, благословенна его память, ежегодно отправлялся на ярмарку в Лешкович, где заключал торговые сделки. Лешкович - небольшой город, ничем не примечательный по сравнению с другими городками этого края, за тем лишь исключением, что раз в году отовсюду съезжаются туда торговцы, дабы выставить свой товар на городской площади. И всякий, кто нуждается в чем-то, приходит и покупает у них. В давние времена, два-три поколения назад, бывало собиралось там более ста тысяч человек; да и поныне, во времена заката Лешковича, съезжаются туда со всей страны. Вам не найти ни одного торговца в Галиции, который во дни ярмарки не держал бы там лавку.

II

Неделя, которую отец проводил на ярмарке, была для нас, как неделя, на которую выпало Девятое Ава*. На протяжении всех этих дней улыбка не появлялась на лице матери, мир ее праху. И даже дети сдерживали себя, чтобы ненароком не рассмеяться. Мать готовила легкую молочную и овощную еду и другие кушанья, от которых не отказываются дети. Когда же мы огорчали ее, она нас умиротворяла, даже не попрекнув за проступки, за которые причитается трепка. Много раз заставал я ее сидящей у окна, и ресницы ее были влажны. Зачем было матери сидеть у окна? Не для того же, чтобы разглядывать прохожих, - ведь она была совершенно отрешена от того, чем занимались другие, - даже то, что рассказывали соседки, слушала и не слышала. Но так повелось у нее с того года, как отец впервые отправился в Лешкович, - стоять у окна, устремив взгляд прямо перед собой. Однажды, в тот первый год после отъезда отца, мать, стоявшая у окна, вдруг пронзительно закричала: "Ой! Душат его!". Спросили ее: "Что с тобой?". Она ответила: "Я вижу - разбойник вцепился ему в горло...", - не успев договорить, она лишилась чувств. Послали на ярмарку и там разыскали отца. Был он очень слаб: в тот час, что с матерью случился обморок, какой-то человек напал на отца, пытаясь отнять у него деньги. Он вцепился отцу в горло, и тот чудом спасся. ,

Спустя годы, когда в Плаче Ирмияу я читал: "Она стала как вдова" и в комментарии Раши, благословенна его память: "Как жена, муж которой отправился в далекую заморскую страну с твердым намерением вернуться к ней...", - на память мне приходила мать, сидящая у окна со слезами на глазах.

III

Все то время, что отец проводил в Лешковиче, я спал в его постели. Сразу же после крият шма** я раздевался и вытягивался на просторном ложе, натянув одеяло по самые уши и навострив их, чтобы немедленно вскочить, если раздастся звук шофара Машиаха***. Безмерно любил я предаваться размышлениям о царе Машиахе. Бывало, я смеялся от души, когда внутренний взор мой прозревал в грядущем картину всеобщего изумления, от которого оцепенеет мир, когда явится наш праведный Машиах. Вчера

только он перевязывал свои раны, а сегодня он царь! Вчера сидел он среди нищих, и они не распознали его, находились и такие, кто унижал его и оскорблял. Но вдруг вспомнил Пресвятой, благословен Он, клятву, которой поклялся избавить Исраэля, - и даровал ему право открыть себя миру. Другой на моем месте негодовал бы на тех нищих, которые не оказывали почестей царю Машиаху, - я же испытывал к ним любовь, ибо возжелал царь Машиах пребывать среди них. Другой на моем месте презирал бы их за то, что даже по субботам едят они хлеб из непросеянной муки и одеваются в грязные отрепья, - я же любил их, ведь иные из них удостоились быть рядом с Машиахом.

IV

Они были прекрасны - эти ночи, когда, лежа в постели, я грезил о царе Машиахе, о его внезапном откровении миру. Он приведет нас в Страну Исраэля, и мы будем обитать там: каждый под своей лозой и под своей смоковницей. Отец не будет ездить по ярмаркам, а я не буду ходить в школу, но буду ходить перед Богом во дворах дома Господня. Я лежал, отдаваясь грезам, и веки мои смежались сами собой; но прежде чем глаза мои закрывались окончательно, я успевал взять свой малый талит и сосчитать, сколько узлов завязано мною на его кистях - сколько дней провел отец в Лешковиче.

В эти мгновения, бывало, разноцветные огни: зеленые, белые, черные и красные начинали кружиться передо мной - как те огни, что возникают и разворачиваются перед взором путника, пересекающего поля и леса, долины и потоки вод. А в их свете накаляются и пламенеют бесчисленные сокровища, и сердце мое радостно трепещет, прозревая все то сокрытое благо, уготованное нам, что мы обретем в грядущем, в день откровения нашего праведного Машиаха, - вскорости, в наши дни.

Сердце мое еще ликует, но уже появляется громадная птица, она склевывает огни, меркнет свет. Однажды я привязал себя к ее крыльям кистями талита и сказал: "Птица, птица! Унеси меня к отцу!". Птица распростерла свои крылья, взлетела со мной и принесла меня в город, который называется Рим. Взглянув вниз, я увидел горстку нищих, сидящих у врат города, и одного среди них, перевязывающего свои раны. Я отвел взгляд, чтобы не видеть его страданий. И как только я перевел свой взгляд, перед моими глазами выросла громадная гора, вся покрытая терновником и чертополохом, усеянная хищными тварями, пасущимися на ней, и омерзительными птицами, парящими в воздухе, кишащая гадами и насекомыми. Могучий порыв ветра внезапно подхватил меня и бросил на гору. Гора начала сотрясаться, и мое тело обречено было распасться на части. Я хотел закричать, но не крикнул: я боялся, что если открою рот, мерзкие птицы выклюют мой язык... Тогда появился отец, укутал меня в свой талит и унес в постель. Я раскрыл глаза, чтобы рассмотреть его лицо, и увидел, что наступил день. И в мгновение ока меня осенило, что Святой и Благословенный убавил одну ночь в веренице ночей ярмарки. Я взял свой талит и завязал на его кистях новый узел.

Ныне я вглядываюсь в просторы вечности и пытаюсь найти, чему уподобить это видение: отец, благословенна его память, в тот миг, когда,

вернувшись издалека, он стоит, окруженный своими малыми детьми. Передо мной встают многие образы, один милее другого, один пленительнее другого, но не могу найти равного по очарованию. Дай нам Бог, чтобы та любовь, которой был осиян отец, озаряла и нас в те мгновения, когда мы ласкаем своих маленьких детей, и дай нам Бог, чтобы радость, переполнявшая нас, никогда не оставляла наших детей.

V

Всякий раз, возвращаясь с ярмарки, отец привозил нам множество подарков. Он был воистину мудр, знал, о чем мечтает каждый из нас, и привозил именно это. Наверно, Властелин Снов открывал ему наши ночные грезы.

Отнюдь не все подарки сохранялись у нас долго. Таков путь всех вожделений в этом мире. Вчера еще мы забавлялись ими, не выпуская из рук, а сегодня они валяются на свалке. И даже мой любимый молитвенник изорвался вконец - ведь что бы мне ни предстояло сделать, я раскрывал его, ища наставления. Со временем от него ничего не осталось, сохранились только Имена Всевышнего.

Но один подарок - отец привез его матери - прожил многие годы. И даже исчезнув, он не исчез из моего сердца. Я по-прежнему думаю о нем - так, как если бы он существовал и поныне.

VI

Отец вернулся с ярмарки в канун субботы, в середине дня, когда мы свободны от школьных занятий. Не при детях будь сказано, эти послеполуденные часы кануна субботы были для нас лучшим временем недели. Ведь все другие дни ребенок склонен над книгой, его глаза и сердце не принадлежат ему. Стоит поднять голову и отвлечься - не избежать тебе трепки. Но в полдень кануна субботы ты свободен от учения. Делай все, что пожелает сердце, никто и слова не скажет. Если бы не полуденная трапеза, весь мир походил бы на Ган Эдэн. Но мать уже зовет меня к столу, и отказаться невозможно.

Как только мы принялись за еду, младшая моя сестренка ухватилась рукой за свое правое ухо и прижала его к столу.

- Что ты делаешь? - спрашивает мать.

- Я хочу услышать.

Мать говорит:

- Дочь моя, к чему ты прислушиваешься?

А та в ответ радостно захлопала в ладоши и пропела:

- Отец возвращается! Отец возвращается!

Вскоре послышался стук колес подводы, вначале едва различимый, затем все нарастающий. Тотчас повскакали мы с мест, побросали свои ложки с уже зачерпнутой едой и бросились навстречу отцу, возвратившемуся с ярмарки. Лишь мать выронила ложку и - пока отец не вошел в дом - стояла выпрямившись, с руками, прижатыми к сердцу.

Каким большим был отец в тот день! Будучи убежден, что мой отец выше всех других отцов, я все же понимал, что кое-что превосходит отца по высоте, например медная люстра, висевшая под потолком нашего дома. Но в тот день даже она стала ниже его.

Вдруг отец склонился надо мной, прижал к сердцу, поцеловал меня и спросил: "Что ты учишь?" – будто не знал, какой раздел Торы читают на этой неделе. Просто хотел он начать разговор. Не успел я ответить, а он уже привлек к себе моего брата и сестричек, высоко поднял их и расцеловал.

VII

Вошел возница и внес два сундука, один большой, а другой - не велик и не мал, скажем - средний. Отец бросил взгляд сперва на нас, затем на этот сундук, и мне показалось, что сундук тоже взглянул на нас и улыбнулся.
Извлек отец связку ключей из кармана и сказал: - Отопрем же сундук и вынем оттуда мой талит и тфилин!

Обычные слова, привычные уху, хотя послеполуденные часы кануна субботы - не время для возложения тфилин. Что же касается талита, то ведь был у отца особый субботний талит. Понятно, говорил он это, чтобы сбить нас с толку и умерить тревожное беспокойство, овладевшее нами в предвкушении подарков.

Мы стояли, исполненные вожделений, и следили за каждым его движением. Вот он выбрал один из ключей, осмотрел его и улыбнулся улыбкой нежной любви, а вместе с ним улыбался и ключ - это отблески света играли на нем и казалось, что он улыбается. Наконец отец вставил ключ в замок, отпер сундук и, погрузив в него руку, стал перебирать его содержимое. Внезапно он молча взглянул на нас.

О, неужели отец позабыл положить туда подарки? Или, может быть, ночью на постоялом дворе кто-то из постояльцев подкрался и похитил их? Так случилось с танаем****, которому поручили преподнести дары императору - сундук, полный жемчуга и драгоценных камней. Танай заночевал на постоялом дворе, а ночью хозяева вскрыли сундук и, опустошив его, наполнили прахом земным. И я начал молиться, чтобы произошло чудо, как тогда с танаем, и этот прах оказался тем самым прахом, который, будучи брошен в воздух праотцем нашим Авраамом, превратился в мечи. - Да свершит Пресвятой и Благословенный чудо и для нас, и то, чем подменили наши подарки, пусть окажется лучше всех подарков на свете. Но не успел я завершить молитву, как отец извлек из сундука одну за другой превосходные вещи. Среди них не было ни одной, о которой мы не мечтали бы на протяжении целого года. Как я уже говорил, Владыка Снов открывал отцу все, что грезилось нам в ночных видениях.

Подарки отца заслуживают многих похвал, но ни к чему восхвалять преходящее, утраченное безвозвратно. И все же один замечательный подарок достоин особого рассказа - подарок, который благословенной памяти отец в тот день преподнес матери, мир ее праху.

Платок этот - шелковый, в клетку, а из каждой клетки глядит на тебя цветок. С одной стороны платок коричневый, а цветы белые, а с другой - цветы коричневые, а платок белый. Таков был подарок отца, который привез он матери.

Развернула мать платок, нежно провела по нему пальцами и взглянула на отца. Их глаза встретились в молчании. Потом она сложила платок, убрала его в шкаф и сказала отцу: - Омой руки и поешь.

Как только отец уселся за стол, я выскочил на улицу к своим приятелям - показывать подарки - и оставался с ними, пока на небе не появились звезды, пришла святая суббота, и мы с отцом направились в дом молитвы.

Как хороша была субботняя ночь, когда мы возвращались домой! Небо, полное звезд, дома, полные сияния субботних свечей. Люди, облаченные в субботние одежды, идут с моим отцом, ступая неторопливо, чтобы не утруждать ангелов субботы, сопровождающих в субботнюю ночь каждого, когда он после молитвы возвращается домой. А в доме горят свечи, стол накрыт, чудесно пахнет теплым хлебом, белоснежная скатерть покрывает стол, а на нем - две халы, прикрытые нарядной салфеткой, чтобы не уронить их достоинство, когда раньше, чем хлеб, благословят вино.

Отец склонился в дверях и, войдя, сказал:

- Шабат шалом у-мэворах! - Суббота мирная и благословенная!

А мать ответила:

- Шалом у-мэворах!

Оглядев стол, отец запел: "Мир вам, ангелы служения...". Мать же сидела у стола с молитвенником в руках, а из-под потолка изливали свой свет десять свечей большой люстры - по свече на каждую из Десяти заповедей. И как бы в ответ им сияли все остальные свечи: свеча отца, свеча матери, свеча каждого из детей. И хотя мы были меньше отца и матери, несмотря на это, наши свечи были такими же большими, как и их свечи.

Я посмотрел на мать и увидел, что лицо ее изменилось: лоб стал меньше - голова была повязана платком, так что он полностью скрывал волосы; ее глаза стали еще больше и сияли навстречу отцу, который пел теперь "Эшет хаиль": "Жену доблестную кто обретет...". Концы платка, завязанного узлом под ее подбородком, едва-едва развевались - это ангелы субботы взмахивали крыльями, порождая легчайший ветер. Знайте, что это было именно так: ведь окна были закрыты, и откуда было появиться ветру, если не от движения ангельских крыльев. Разве не сказано в псалмах: "Делает ветры посланцами Своими..."? И я за таил дыхание, чтобы не смутить ангелов, и взирал на мать, удостоившуюся такой несравненной чести, и испытывал великое восхищение перед ликом Шабат - седьмого дня недели, дарованного нам в знак нашего избранничества и славы. Внезапно мои щеки ощутили легкое поглаживание. Не знаю, было ли то дуновение ангельских крыльев или шелковистое прикосновение концов материнского платка. Но счастлив тот, кого овевали крылья добрых ангелов, и счастлив тот, кого в субботние вечера ласкала мать.

IX

Когда я пробудился ото сна, уже ослепительно сверкал день. Утро субботы наполняло собой весь мир. Отец и мать собирались уходить: он в дом молитвы, а она в дом учения моего деда, мир его праху. На отце - штраймл***** собольего меха и шелковый черный сюртук, а на матери - черное платье и шляпа с перьями.

В дедушкином доме учения молитва была менее продолжительной, и мать возвращалась раньше. Когда вернулись мы с отцом, мать была уже дома. Она сидела, кутаясь в платок, стол был накрыт, на нем вино и водка,

сладкий пирог, всевозможное печенье и коржики. Отец пригнулся в дверях и, войдя, сказал: "Шабат шалом у-мэворах!", положил свой талит на кровать, сел во главе стола и, произнеся "Господь - пастырь мой, нужда не постигнет меня...", освятил трапезу над кубком вина, отрезал кусок пирога и запел: "Песнопение Давида. Господу принадлежит земля и наполняющее ее...".

Когда в вечер Рош а-Шана, открывая Ковчег Завета, поют этот псалом, всю общину охватывает великое волнение. Такое же волнение испытал и я в эти мгновения. Если бы мать не внушала мне постоянно, что не следует становиться на стулья, залезать на стол, что нельзя повышать голос, - я взобрался бы на стол и прокричал: "Господу принадлежит земля и наполняющее ее!" - как, по свидетельству Гемары, поступал ребенок, сидевший посредине золотого стола, несомого шестнадцатью людьми. К столу были прикреплены шестнадцать серебряных цепей, на нем расставлены блюда и кубки, кувшины и тарелки со всевозможными яствами, лакомствами, приправами и пряностями - было здесь от всякого блага, созданного в шесть дней творения. И когда поднимали стол, дитя возглашало: "Господу принадлежит земля и наполняющее ее...".

Мать нарезала пирог и каждому дала его долю, а концы ее платка колебались в ритме движения ее рук. Внезапно вишня, оброненная матерью, испустила струйку сока, но брызги ее не коснулись платка, и он остался таким же чистым, как тогда, когда отец дарил его матери.

Не всякую субботу и, тем более, не каждый день женщина надевает шелковый платок. Пристало ли ей наряжаться в будни, когда она хлопочет у очага?.. Не всякую субботу, но ведь есть и другие праздники. Милостив Пресвятой, благословен Он, к созданиям Своим. Он даровал им времена для веселия, предопределив сроки радостных торжеств и великих праздников. В Шлоша рэгалим мать, собираясь в дом молитвы, надевала шляпу с перьями, а дома была в платке. В Рош а-Шана, Йом а-Кипурим и в утро Ошана Раба платок был на ней постоянно. В Йом а-Кипурим я не отрываясь смотрел на свою мать, мир ее праху; на ней платок, в глазах ее отблеск молитвы и поста. Она напоминала мне *сидур сивлонот* – женский молитвенник в шелковом переплете, какой жених преподносит невесте.

В обычные дни платок лежал в шкафу, а к началу субботы и праздников мать доставала его оттуда. Я ни разу не видел, чтобы она стирала его, хотя и была она необычайно чистоплотна. Если субботу и праздники соблюдают, как положено, берегут и праздничную одежду. Если бы не я, платок сохранялся бы всю ее жизнь и остался бы после нее.

Что же случилось? Произошло следующее. В тот день, когда мне исполнилось тринадцать лет и я приступил к исполнению заповедей, мать повязала платок мне на шею. Благословен Вседержитель, вверивший Свое мироздание хранителям Завета! На платке не было ни единого пятнышка. Но приговор был уже вынесен: ему предстояло исчезнуть - из-за меня. Этот платок, о котором я размышлял целую жизнь, был утрачен мною самим.

XI

Теперь, прежде чем вернуться к сути нашего рассказа, обратимся к предшествующим событиям. В те времена в нашем городке появился один

нищий. Был он весь в ранах и гнойниках, с распухшими руками, одет в лохмотья, башмаки - истерты до дыр. Стоило ему показаться на улице, мальчишки забрасывали его комьями земли и камнями. Не одни дети, солидные домовладельцы выказывали ему свое недоброжелательство.

Однажды, когда он появился на рынке, чтобы купить себе краюху хлеба или луковицу, торговки пришли в ярость и прогнали его. Не подумайте, что торговки наши отличались жестокостью, совсем наоборот, были они мягкосердечны. Не они ли отрывали от себя последнее для сирот, не они ли собирали в лесу хворост, чтобы сделать из него древесный уголь и раздать бедным? Но у каждого нищего свое счастье. Убежав с рынка, нищий заглянул в дом учения, но служитель накричал на него и вытолкал вон. А когда в субботу вечером он все же протиснулся в дом учения, не нашлось никого, кто пригласил бы этого человека к субботней трапезе. Упаси Бог, чтобы сыны отца нашего Авраама не были милосердны к нищим! Не иначе как посланцы Сатаны сопровождали несчастного и набрасывали завесу на глаза сынов Исраэля, чтобы те не видели, в какой он нужде. Где внимал он субботним благословениям, как исполнял заповедь о трех субботних трапезах? Если не от даяний людских кормился он, значит по милости Своей питал его Сам Пресвятой, да будет Он благословен.

Велико значение гостеприимства, во имя его возводят дома и назначают старост, чтобы те поддерживали бедных. И я скажу в похвалу жителям нашего городка, что хотя они не основали приюта для обездоленных и не назначили ответственных за их пропитание, каждый из жителей, у кого была эта возможность, давал в своем доме приют нищему, помогал брату своему и поддерживал его в годину бедствия, а его сыновья и дочери, видя это, извлекали для себя поучение. Когда человека постигала беда и он стонал от горя, стены вторили ему – стенанием обездоленных, получивших приют в его доме. И человек знал, что есть бедствия, превосходящие его беду, и что так же, как сам он утешил обездоленных, утешит его Пресвятой, благословенно Имя Его.

XII

Пока что я оставлю нищего и буду говорить только о платке матери, который она повязала мне на шею в день моего приобщения к заповедям.

В этот день, когда я возвращался из дома учения к полуденной трапезе, разодетый, как жених, радость моя была безмерна. Я был счастлив от сознания, что впервые возложил на себя тфилин. В стороне от дороги я приметил того самого нищего. Он сидел на груде камней и перевязывал свои раны. Одежда его была изорвана в клочья, эти лохмотья не годились даже на то, чтобы прикрыть его раны. Он тоже увидел меня. Раны, пылавшие на его лице, уставились на меня, как глаза - обжигающим взглядом. Сердце мое замерло, задрожали колени, в глазах потемнело и все пошло кругом. Но я взял себя в руки, склонил голову перед нищим и сказал: "Шалом!". И он ответил мне: "Шалом!".

В тот же миг сердце мое снова забилось, уши запылали, и по всему телу разлилось дотоле не изведанное сладостное ощущение. Оно было на моих губах и на моем языке, рот мой был разинут, а глаза широко раскрыты

– как у человека, который, уже проснувшись, вглядывается в то, что было явлено ему во сне. И так я стоял и смотрел, не отрываясь.

Солнце остановилось посредине небосвода, кругом не было видно ни души, но Он, благословенный в милосердии Своем, восседал на небесах и, взирая на землю и на раны нищего, осиял их Своей благодатью. Я начал расслаблять узел на платке, чтобы глубже вздохнуть, - меня душили слезы. Не успел я еще развязать платок, а сердце мое запрыгало от восторга, и то сладостное чувство, что завладело мною, возросло и усилилось многократно. Я снял с себя платок и протянул нищему. Он взял платок и обмотал им свои раны. В это мгновение из-за облаков просияло солнце и погладило мою шею.

Я оглянулся по сторонам: кругом не было ни души, только груда камней покоилась предо мной, сверкая отраженным светом солнца. Я стоял, ни о чем не думая. Потом сдвинулся с места и направился домой.

XIII

Подойдя к дому, я обошел его со всех четырех сторон. Внезапно я остановился у материнского окна, у которого мать так часто сидела, глядя наружу. Необычайным было это: воздушный проем, солнечный свет рассеивался в нем - не обжигал, но согревал, и совершенный покой царил там. Два или три человека прошли мимо и, проходя, замедлили шаг и прервали свою беседу; один из них провел рукой по лбу, и приглушенный вздох вырвался из его груди. И мне представляется, что этот вздох витает там и поныне.

Не знаю, сколько я оставался на этом месте - мгновение, два или дольше, но я покинул его и вошел в дом. Войдя, я застал мать сидящей, как обычно, у окна. Я сказал ей: "Шалом!", и она ответила мне: "Шалом!". Вдруг я ощутил, что поступил по отношению к ней неподобающе. Был у нее чудесный платок, который она надевала по субботам и праздникам, а я взял да и отдал его нищему, чтобы тот перевязал им раны на своих ногах. Но не успел я вымолвить слова мольбы о прощении, а она уже смотрела на меня взглядом, исполненным нежности и любви. Я тоже смотрел на нее, и сердце мое переполнилось великой радостью, как в ту субботу, когда мать, мир ее праху, надела платок впервые.

Конец рассказа о платке моей матери, мир ее праху.

Примечания:

* Девятое Ава - день поста в память о многих трагических событиях еврейской истории .

** Крият шма - дословно: чтение "Шма", т. е. молитвы "Шма Исраэль" - "Слушай, Израиль".

*** Машиах - таково звучание слова "Мессия" (помазанник) на священном языке.

****Танай (на ив р. - тана) - один из мудрецов Мишны, имеется в виду раби Нахум Гамзу, см. Сан'эдрин 108б-109а. " Псалмы 104:4.

***** Штраймл - головной убор, отороченный мехом, который хасиды носят по субботам и праздникам.